

Можайск после Отечественной войны 1812 года

Вопрос о положении Можайска после Отечественной войны 1812 года не получил должного отражения в исторической литературе. Исследователи, основываясь на воспоминаниях очевидцев тех событий, главное внимание обращали на ход боевых операций у Можайска и положение города во время французской оккупации¹.

О разрушительных последствиях войны 1812 года в Можайске и о постепенной нормализации городской жизни в послевоенный период свидетельствуют архивные источники, извлеченные из фондов Центрального исторического архива г. Москвы (ЦИАМ). Особо следует выделить ревизские сказки населения Можайска за шестую (1811 г.) и седьмую (1816 г.) ревизии. Не меньшую ценность представляют прошения жителей города о выдаче им денежных ссуд в связи с разорением хозяйства и потерей имущества. Как правило, подобная документация сопровождалась свидетельскими показаниями городской администрации и очевидцев событий, которые подтверждали материальное положение потерпевших. В отдельных случаях приводился перечень утраченного имущества, жилых и хозяйственных построек. Важную информацию содержат ходатайства священнослужителей разоренных городских церквей в Московскую духовную консисторию с просьбой о переводе их в другие приходы.

Интересные сведения о восстановлении городской жизни в послевоенном Можайске содержатся в протоколах заседания местного магистрата за 1813–1814 гг.

В начале XIX в. Можайск представлял собой небольшой город. Основную массу населения составляли купцы и мещане, а также служащие уездных и городских учреждений (земский, сиротский и

совестный суды, магистрат, казначейство), отставные военнослужащие, дворяне и др. По данным шестой (1811 г.) ревизии в Можайске проживали 736 человек, в том числе 494 мещан и 242 купцовⁱⁱ.

Расположение города на Большой Смоленской дороге, связывающей западные города России с Москвой, определяло военно-стратегическое и экономическое положение Можайска. Городские жители преимущественно занимались торговлей. Православное население Можайска обслуживали многочисленные храмы (Ахтырской Божьей матери, Живоначальной Троицы, Успения, Иоакима и Анны, Ильинский, Покровский, Николаевский собор и др.), объединенные в одноименные церковные приходы. В состав церковных приходов входило также население пригородных слобод и селений.

Первые недели войны 1812 года не предвещали серьезной опасности для города. Но по мере отступления русской армии к Москве и приближения боев к Можайску, жители начали поспешно покидать город. Военное командование и московские губернские власти потребовали немедленной эвакуации городских учреждений и продовольственных запасов. Сохранились подробные сведения о ходе эвакуации денежной казны, текущего делопроизводства и архива Можайского магистрата. Доставка ценных документов была поручена секретарю магистрата Михайлову. По этому поводу в одной из журнальных записей магистрата за декабрь 1814 г. отмечается: «При неприятельском нашествии, хранящиеся в сем магистрате денежная казна и печатные пашпорта для купцов и мещан... сохранены и представлены в Московскую казенную палату в полном числе, а равным образом секретные документы, образцовые ассигнации, печать магистрата, законные книги все сохранились в целости. Что же

касается до протчих письменных дел и документов, то из оных оставшимися, за утратою, имеет быть учинена опись, которая и окончена посредством секретаря сего магистрата Михайлова. И по окончании оному правлению донести особо, поелику из сих последних по причине внезапной и безвременной от военного начальства о удалении из города повестке, а равно по недаче от городской и земской полиции и не отысканию нигде подвод, которые непрестанно требовались для войска, вывезены были единственно только нерешенные, кои и сохранились в целости. А из решенных настольных докладных реестров, журнальных и протокольных книг и протчих нужных документов, взяты были небольшая часть, которые с крайнею нуждою могли поместиться на одной общественной подводе. Но и оные во время дороги от повреждения кулей и на связках веревок все перемешаны, коих по занятию другими текущими делами привести в надлежащий порядок и описать вскорости невозможно. Протчия ж все и с описями к оным остались в архиве и при сожжении неприятелем общественного магистратского дома истреблены»ⁱⁱⁱ.

Почти все служащие магистрата (секретарь, бурмистры, ратманы, маклер) покинули город. Городской голова В. Савин выехал в г. Белый, ратман Малахов находился «по случаю нашествия на город Можайск неприятеля» в Тамбовской губернии, секретарь Михайлов с архивом магистрата был отправлен в Москву, а затем в Нижний Новгород. Впоследствии многие жители Можайска, обращаясь в магистрат с различными просьбами, сообщали, что они «по нашествии неприятельских французских войск в Можайск были в отлучке»^{iv}. Однако в силу многих бытовых обстоятельств часть жителей вынуждена была остаться в оккупированном городе. Так, в своей челобитной купец А.П. Неугодов сообщал, что его отец «во время

нашествия неприятеля, по случаю слепоты своих глаз, остался в Можайске и по возвращении в живых не найден». Город не покинул один из руководителей магистрата ратман А. Пчелин. Потом, при расследовании дела о «расхищении вина» в казенных питейных магазинах Можайска «во время неприятельского нашествия», он был привлечен в качестве свидетеля от «оставшихся в то время в городе»^v.

Известно, что 27 и 28 августа за Можайск шли ожесточенные бои. Отступая, русские войска подожгли городские провиантские склады, чтобы продовольственные запасы не достались врагу. Было уничтожено около 3000 пудов муки, сухарей и круп. 28 августа, после ухода арьергарда атамана Платова, в Можайск вступили французские войска, которые оставались здесь до середины октября 1812 г.

Судя по воспоминаниям русских и французских участников боевых операций под Можайском (П.А. Вяземского, Де-ля Флиза, Е. Лабома, Г. фон Роос и др.), город «представлял собой страшную картину: обгорелые дома, разлагающиеся трупы на улицах». По свидетельству П.А. Вяземского, 27 августа Можайск «казался уже опустевшим: некоторые дома были разорены, выбиты и вынесены окна и двери»^{vi}.

Архивные документы позволяют более конкретно представить облик послевоенного Можайска и положение его жителей.

После ухода французских войск из Можайска со второй половины октября в город стали возвращаться его обитатели. На это указывают многочисленные свидетельства. Например, купец А.И. Власьев сообщал, что «после нашествия неприятеля по возвращению своем из отлучки в город Можайск помянутого октября 1812 года в последних числах». Аналогичные сведения приводит купец Ф.И. Вьюнов. Члены можайского магистрата, объясняя причины отсутствия

в их распоряжении сведений о ценах на продукты питания за сентябрь и октябрь 1812 г., отмечали: «Что же касается сентября и октября месяцев, то по исторжению неприятеля из пределов и малолюдного возвращения в город жителей, торгов еще не бывало»^{vii}.

Многие из возвратившихся в родной город увидели только пепелища собственных домов. По сообщениям можайского благочинного и священнослужителей отдельных городских церковных приходов удельный вес сгоревших домов колебался от 7 до 50% и более. Так, в Ильинском приходе пожар истребил 70 дворов (из 220), т. е. 31,9%, а в Иоакимском – 62 (из 122), т. е. 50,8 %. В пригородной слободе пожар уничтожил 146 дворов. Из 45 дворов Ахтырского прихода «сожжено неприятелем немалое число»^{viii}.

Материальный ущерб понесли все слои городского населения Можайска – купцы, мещане, духовенство, чиновники, дворяне и т.п. Купечество в своих многочисленных прошениях о выдаче им денежного пособия обосновывали свою просьбу тем, что имущество «во время нашествия неприятелем все разграблено и сожжено, а движимое... расхищено». В частности, купцы Афанасий и Иван Часовниковы, отказываясь вносить денежные сборы с собственного капитала, заявляли в магистрате, «что они по случаю крайнего при неприятельском нашестве разорения, а именно: сожжения каменного дома и деревянных двух со всеми дворовыми строениями домов, разграбления в оных разного домашнего имущества, при том и в нанимаемой в гостином дворе лавке товара, стоящего всего вообще на немалую сумму, ныне заплатить не в состоянии». Огромные убытки на сумму в размере 37 тыс. руб. понес купец Ф.И. Тучин, занимавшейся до войны развозной и стационарной торговлей хлебом, скотом и «прочим во многом количестве». «Во оное неприятельское нашествие» у Тучина

в результате пожара сгорело шесть домов, расположенных на главной площади (три каменных двухэтажных и три деревянных) и пять торговых лавок. «Сожженными и разграбленными» оказались дома купцов И.П. Власьева, И.З. Вьюнова, Я.А. Кудеева, Г.Ф. Часовникова и др.^{ix}

Схожая картина наблюдалась у многих мещан. Так, у С. Родионовой на 2-й Московской улице «неприятелем сожжен дом»; лишился жилья Н.М. Марголин, а у Н. Рыбинского была разграблена лавка, арендуемая в гостином дворе^x.

Оценивая собственное материальное положение, купцы и мещане в декабре 1812 г. «единогласно объявили» в магистрате о невозможности оплаты государственных повинностей и сборов. Основные мотивы подобного заявления сводились к следующим обстоятельствам: «...достоверно уже известно правительству, что здешний город, носящий даже в спокойное время, по состоянию оною на Большом Смоленском тракте, от прохода разных воинских команд, рекрутских партий и проезжающих, отличное противу других соседственных ему побочных городов, отягощение, при вторжении во внутрь России неприятеля, также по Московской губернии первый был жребием наичувствительного разорения, посредством которого они и прочим городским жителям, включая понесенные от разсеяния по разным местам убытков, лишились своего имущества, заключающаго в товарах и вещах, а некоторые и собственных своих сожженных неприятелем домов... Из числа лишившихся домов не только с большим утеснением, но даже с опасностию, чрез то пристанище имеют в посторонних домах»^{xi}.

Из-за разорения многие можайские купцы вынуждены были перейти в мещанское сословие. Такая судьба постигла, например,

купеческую вдову М.З. Неугодову, которая «по случаю разорения ее неприятелем» и отсутствия «благонадежных порук и залога», не имела возможности оплатить денежный сбор с капитала. По данным седьмой (1816 г.) ревизии в мещанство было приписано 49 купцов, в том числе некоторые целыми семьями (9 семей)^{xii}.

Большой материальный ущерб понесло можайское духовенство. В пожаре сгорели церкви Ахтырской Божьей матери («сгорела вся без остатку»), Покровская в Ямской слободе («сожжена неприятелем»), Успенская («при нашествии неприятеля в 1812 году сожжена»), Ильинская («была зданием деревянная и по взятии города неприятелем сожжена»). Одновременно с этими церквями сгорели и дома церковнослужителей. Так, пономарь Ахтырской церкви И. Алексеев доносил: «Означенная церковь прихода и священно- и церковнослужителей дома неприятелем все без остатку сожжены». Причем особо отмечается уничтожение в огне и фруктового сада местного попа Дионисия^{xiii}.

Ощутимый урон понесли и другие слои населения Можайска. Так, жена губернского секретаря М.И. Победова сообщала, что «имею я в городе Можайске в приходе церкви Живоначальной Троицы в обывательском квартале под номером 21 собственной свой дом с принадлежащими к нему службами, стоящий 1450 рублей... который и со всеми службами неприятелем сожжен и во оном имуществе по цене на 605 рублей 80 копеек разграблено». Сгоревший дом был значительных размеров («с обеих сторон длиннику 19,5 сажень, а поперешнику 18 сажень»). У дворянина В.М. Лобанова «дом деревянный на каменном фундаменте... совсем сожжен». В подобном положении оказались солдатская вдова А.И. Субботина (дом «весь без остатку неприятелем сожжен и имущество все... разграблено») и

почтальон Можайской почтовой экспедиции И.В. Товаров (дом «со всем означенным неприятелем сожжен, в коем находилось домашнего заведения на 115 рублей 14 копеек»)^{xiv}.

Тяжелое положение горожан усугублялось и высокими ценами на местном рынке. По данным магистрата в ноябре – декабре оптовая цена 1 пуда ржаной муки составляла 1 руб. 45 коп., а одной четверти (8 пудов) гречневой крупы – 24 руб. По более высокой цене эти крупы продавались в розницу (пуд ржаной муки стоил 1 руб. 50 коп., а четверть гречневой крупы – 25 руб.). Осенью 1814 г. в Можайске начался массовый падеж скота («к несчастью жителей города Можайска появился в сем городе падеж»). Городской магистрат принимает экстренные меры, направленные на ограничение эпизоотии. Было решено, «чтоб всякий обыватель свою корову не выпускал со двора и при том палых коров своих, чтоб вывозить в овраг за версту и зарывать в землю»^{xv}.

Голод и неустроенный быт, болезни и лишения не могли не сказаться на демографической ситуации в городе. Нами подсчитано, что между шестой (1811 г.) и седьмой (1816 г.) ревизиями умерло 114 горожан, в том числе 87 (76,3%) мещан и 27 (23,7%) купцов. Численность населения Можайска сократилась с 736 человек (мещан и купцов) до 673 (т. е. на 8,6%). Умерали в основном дети и пожилые люди. Среди умерших лица до 15 -летнего возраста составляли 20 человек (17,5%), а свыше 50 лет – 48 (42,1%). Заметной была смертность в возрастных группах от 31 до 40 лет (9 человек, или 7,9%) и от 41 до 50 лет (17 человек, или 14,3%). Две трети всех смертей приходились на 1812 г. (умерло 54 человека, или 47,5%) и 1813 г. (35 человек, или 30,6%). В последующие годы смертность постепенно убывает: в 1814 г. умерло 13 человек (11,4%), 1815 г. – 10 (8,8%) и в

первую половину 1816 г. – 2 (1,7%)^{xvi}.

Несмотря на послевоенную разруху, жизнь в Можайске постепенно нормализуется. По мере возвращения жителей в город восстанавливаются разрушенные и сожженные дома, начинают действовать городские органы управления, возобновляется торговля, оживает трудовая деятельность купцов и мещан.

19 января 1813 г. начал функционировать городской магистрат. Сохранившиеся документы позволяют проследить за первыми мерами, предпринимаемыми можайскими властями после войны. На первом заседании магистрата присутствовали два бурмистра, два ратмана и секретарь. Присутствующие, «воздав всемогущему Богу за исторжение врага Отечества из пределов онаго благодарение и водоосвещением, открыли заседание». Прибывшие заслушали доклад секретаря магистрата Михайлова о состоянии денежной казны и архива в период эвакуации. Учитывая, что не все члены магистрата вернулись в город (отсутствовали городской голова В.Савин, ратман Малахов и др.), было решено временно исполнять обязанности городского головы ратману Власьеву, денежную казну и печати хранить ратману А.Пчелину, а текущее делопроизводство возложить на двух бурмистров^{xvii}. 8 мая 1813 г. было принято решение об уточнении обязанностей между членами магистрата. В частности, судье словестного суда Михайлову поручалось «быть при весах и мерах, торговли вином и солью». В сиротском суде «присутствовать, когда надобность востребует, от ратманов Власьеву-первому и Власьеву-второму». Особо отмечалось, что в «городническое правление» до возвращения В. Савина «входить от наличных присутствующих, кому когда время и возможность позволит»^{xviii}.

В первые послевоенные годы можайский магистрат уделял

большое внимание сбору государственных повинностей с городских жителей. В соответствии с законодательством России того времени, купечество было освобождено от рекрутчины и подушного сбора, которые были заменены сбором с объявленного капитала. Мещане по-прежнему оплачивали подушные подати.

Учитывая разорительные последствия войны 1812 года, купцы и мещане Можайска были освобождены от всех казенных повинностей за вторую половину 1812 г. и за 1813 г., включая и недоимки^{xix}. Однако можайские жители не могли оплатить государственные сборы и за 1814 г. Между магистратом, Московским губернским правлением и казенной палатой в течении года продолжается активная переписка по поводу сбора государственных платежей. Московская казенная палата постоянно напоминала магистрату «относительно скорейшего взноса следующих в казну податей... требовала с купцов по объявленным ими капиталов проценты с четвертными, а с мещан подушные деньги»^{xx}. В свою очередь, руководство Можайского магистрата неоднократно направляло нарочных к горожанам «объявить с подписками, дабы они следующие с капиталов подати» вносили в казну. Однако каких-либо казенных сборов за 1814 г. жители не оплатили. В журнале магистрата от 19 декабря 1814 г. отмечено: «Из купечества никто для объявления капитала не явился и следующих со онаго в казну денег не взнес»^{xxi}.

В июле 1814 г. по настоянию горожан Можайский магистрат обратился к московскому гражданскому губернатору с ходатайством об освобождении жителей от текущих повинностей. По этому поводу в журнале магистрата приведена следующая запись: «По случаю разорения города неприятелем и не получения на поправление состояния ни от куда никакой помощи в платеже следующих на 1814 год податей льготы, от сего магистрата представлено... московскому

гражданскому губернатору»^{xxii}.

Положение осложнялось и тем, что жители Можайска, помимо государственных повинностей, обязаны были внести в казну за 1814 г. 1000 руб. ссудных денег. Беспроцентная ссуда в размере 10 тыс. руб. была выделена городу для ликвидации последствий пожара 1802 г. Московская казенная палата требовала от городского магистрата немедленной оплаты указанной суммы. Испытывая материальные затруднения, 14 января 1814 г. купцы и мещане, собравшись в магистрате, «единогласно объясняли, что оных, по случаю потерпевшего ими разорения, внести ныне не в состоянии....Многие не имеют своих жилищ и в содержании себя притерпевают крайний недостаток». Члены магистрата, согласившись с обоснованными мотивами жителей, записали в журнале заседания: «Оное присутствие во взыскании означенной долговой суммы находит препятствие»^{xxiii}.

В Можайске постепенно активизируется и торгово-предпринимательская деятельность населения. В магистрате начинают рассматриваться дела, связанные с куплей-продажей, долговыми обязательствами, кредитно-денежными операциями, исковыми прошениями. В частности, рассматривался иск священника Д. Иевлева о взыскании 1500 руб. с купца Г.Т. Часовникова. В магистрате имеется материал о займе купцами Афанасием и Иваном Часовниками у Дмитрия Часовникова для поддержания собственной торговли 5 тыс. руб.

Ряд купцов (П.П. Неугодов, П.М. Маргошин, Гусев, Сухоплесов) занялись необычным промыслом: «собираением после неприятельского нашествия пуль» с мест боевых сражений и продажей их в Москве (один пуд стоил 9 руб. 75 коп.), Боровске (по 4 руб. 50 коп.) и Туле (по 6 руб.). О размахе этого вида предпринимательства свидетельствует

следующий факт. В ходе совместного сбора и закупки пуль П.П. Неугодов отказался выдать П.М. Марголину 16 пудов 20 фунтов пуль (т. е. 256 кг)^{xxiv}.

Центральные и местные власти удовлетворили требование горожан Можайска оказать им денежную помощь для восстановления разрушенного войной хозяйства. По отрывочным данным Комиссии для рассмотрения прошений от обывателей г. Москвы и губернии, потерпевших разорение от нашествия неприятеля в 1812 г. (Комиссия о пособиях) выясняем, что безпроцентные денежные ссуды получили можайский купец Ф.И. Тучнин (6 тыс. руб.), жена губернского секретаря М.И. Победова (500 руб.), солдатская вдова А.И. Субботина (70 руб.), почтальон местной почтовой экспедиции И.В. Товаров (200 руб., в том числе 70 руб. безвозмездно) и др. К 1825 г. многие из тех, кто получил денежные ссуды, так и не смогли вернуть их государству. По данным на 1825 г. можайские мещане и купцы имели недоимку по Комиссии о пособиях в размере 1101 руб. 97 коп. Но и полученные денежные ссуды были незначительны для полного восстановления хозяйства. По этому поводу наследники купца Ф.И. Тучнина сообщали в Комиссию о пособиях, что после смерти их отца в 1827 г. «дома три каменных двухэтажных совершенно не справлены и частично находятся в развалинах, три ж деревянных ветхия, а дворы при оных развалились»^{xxv}.

Успешная торговая деятельность можайских купцов И.Я.Кудеева, Ф.И. Вьюнова, А.И. Власьева и других позволила оплатить им в конце 1814 г. денежные сборы с объявленного капитала^{xxvi}.

Постепенно начинает благоустраиваться и разоренный Можайск. На прежних пепелищах и пустующих землях строятся новые жилища и

хозяйственные постройки. По неполным данным в 1816 г. только в городской слободе из 143 сгоревших домов было полностью возведено 4 дома, а «несовершенно выстроено» 96 домов. При Иоакимском приходе из 62 сгоревших дворов было возведено 22, «а прочие готовятся к построению». В 1814 г. местный землемер в составленной справке для можайского магистрата отмечал, что «городские обыватели, отчасти, хотя и производят необходимые строения на отведенных прежде сего плановых местах, а другие исправляют... оставшиеся за неприятелем сожженные старые дома»^{xxvii}.

В порядок приводились и пригородные мосты, сожженные «во время нахождения неприятельских войск». По данным инженера подполковника фон Лауренберга от 8 февраля 1813 г. «требуют починки и постройки» мосты «не доезжая городу Можайска чрез трубу, перед городом, чрез овраг»^{xxviii}.

Местные городские власти решают изменить и месторасположение городского уездного училища. В июне 1814 г. директор училища П. Дружинин обращается к московскому митрополиту Августину с просьбой «повелеть отдать место под Можайское уездное училище, взяв взамен онаго... прежнее училищное место, лежащее близ самого собора» (Николаевского собора. – *М.П.*). Мотивируя свое предложение, он отмечал: «Желая доставить место Можайскому уездному училищу в центре города для удобства учащихся, просил я об отводе такового гражданское начальство, которое дало свое согласие, отводя пустопорожнее место, оставшееся после сгоревшей в Можайске церкви Ахтырской Божьей матери»^{xxix}. При Ахтырской церкви числилась 1 дес. 144 саж. усадебной земли. 20 октября 1814 г. на просьбу Дружинина последовала резолюция московского митрополита Августина. В ней, в частности, указывалось:

«Согласно просьбе господина директора училища Дружинина, оставшееся после сгоревшей градской можайской Ахтырской церкви пустопорожнее место для построения на нем можайского гражданского училища отдать дозволить, потому что для построения училища духовного способное при тамошнем соборе место есть»^{xxx}.

Постепенно нормализуется обстановка в городских церковных приходах. После войны 1812 г. ряд городских храмов сгорели, а другие «осквернены нападением неприятеля»; резко сократилась численность населения в городских церковных приходах, многие священнослужители были разорены и остались без средств существования. Духовные власти в оперативном порядке пытаются организовать богослужение в оставшихся городских храмах, приписать к ним церковные причты и прихожан разоренных церквей. В Московскую духовную консисторию, начиная с ноября 1812 г., стали поступать прошения священнослужителей и прихожан о приписке их к уцелевшим городским церквам (Троицкой, Иоакимский, Вознесенской и др.). По этому поводу в рапорте благочинного городских церквей и можайского Николаевского собора протопопа Георгия от 27 февраля 1813 г. отмечалось: «Мною освящены приделы в городе Можайске в Николаевском соборе во имя Скорбящей Божьей матери, градских церквах – Иоана Предтечи, Вознесенской – Св. мученицы Параскевы, Иоакимовской – Ахтырской Божьей матери»^{xxxі}.

Итак, рассмотренный архивный материал свидетельствует о том, что, несмотря на огромные разрушения, жизнь в Можайске в первые послевоенные годы постепенно нормализуется. Начинают функционировать городские учреждения, благоустраивается город, активизируется трудовая деятельность населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ⁱ Города Подмосковья. М., 1981. Кн. 3. С. 548–550; *Федоров В.Н.* Можайск в Отечественной войне 1812 г. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1997; и др.
- ⁱⁱ ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. № 33. Л. 80, 97–99 об.
- ⁱⁱⁱ Там же. Ф. 39. Оп. 1. № 2. Л. 328.
- ^{iv} Там же. № 1. Л. 63; № 2. Л. 75.
- ^v Там же. № 2. Л. 54, 395.
- ^{vi} Цит. по: *Федоров В.Н.* Указ. соч. С. 124.
- ^{vii} ЦИАМ. Ф. 39. Оп. 1. № 1. Л. 35; № 2. Л. 395.
- ^{viii} Там же. Ф. 16. Оп. 30. № 206. Л. 3; Ф. 203. Оп. 752. № 137. Л. 1; № 926. Л. 5; № 934. Л. 2–3.
- ^{ix} Там же. Ф. 20. Оп. 2. № 2314. Л. 1–5; Ф. 39. Оп. 1. № 2. Л. 48, 392–395.
- ^x Там же. Ф. 39. Оп. 1. № 1. Л. 208; № 2. Л. 105, 281 об.
- ^{xi} Там же. № 1. Л. 295; № 2. Л. 179–180.
- ^{xii} Там же. Ф. 39. Оп. 1. № 2. Л. 396; Ф. 51. Оп. 8. № 118 а. Л. 1–8.
- ^{xiii} Там же. Ф. 51. Оп. 1. № 118 а. Л. 207–208, 212; Ф. 203. Оп. 752. № 132. Л. 1; № 140. Л. 1.; № 142. Л. 1; № 926. Л. 1; № 928. Л. 1; № 929. Л. 1; № 930. Л. 1; № 932. Л. 1; № 934. Л. 1.
- ^{xiv} Там же. Ф. 20. Оп. 2. № 47. Л. 1–6; № 1290. Л. 1; № 1327. Л. 5–6; Ф. 392. Оп. 1. № 5. Л. 41.
- ^{xv} Там же. Ф. 39. Оп. 1. № 2. Л. 53, 288–289.
- ^{xvi} Там же. Ф. 51. Оп. 8. № 118 а. Л. 1–8 (подсчет наш).
- ^{xvii} Там же. Ф. 39. Оп. 1. № 1. Л. 1–2.
- ^{xviii} Там же. Л. 91.
- ^{xix} Там же. № 2. Л. 284 об.
- ^{xx} Там же. Л. 179–181, 293 об.
- ^{xxi} Там же. Л. 181 об., 288, 293 об.
- ^{xxii} Там же. Л. 179 об.
- ^{xxiii} Там же. Л. 14.
- ^{xxiv} Там же. № 1. Л. 219; № 2. Л. 311.
- ^{xxv} Там же. Ф. 20. Оп. 2. № 47. Л. 1–6; № 1290. Л. 1–2; № 1327. Л. 5–6; № 2314. Л. 5 об; Ф. 51. Оп. 16. № 673. Л. 12.
- ^{xxvi} Там же. Ф. 39. Оп. 1. № 2. Л. 392–395.
- ^{xxvii} Там же. Ф. 16. Оп. 30. № 206. Л. 3; Ф. 39. Оп. 1. № 1. Л. 148–148 об.; Ф. 203. Оп. 752. № 926. Л. 5.
- ^{xxviii} Там же. Ф. 392. Оп. 1. № 4. Л. 2.
- ^{xxix} Там же. Ф. 203. Оп. 752. № 934. Л. 17–19.
- ^{xxx} Там же. Л. 19–21 об.
- ^{xxxi} Там же. № 132. Л. 1; № 137. Л. 1; № 142. Л. 1; № 923. Л. 1; № 926. Л. 5; № 934. Л. 1.